

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОТИВ СМУТЫ: УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Публикуемая ниже стенограмма представляет собой документ смешанного жанра: это одновременно интервью и интеллектуальный штурм. Вопросы — от философского фундамента образовательной концепции до подробностей устройства общежитий. Участники — ктитор университета Михаил Викторович Поваляев, декан Озерной школы Алексей Владимирович Савватеев, руководитель физико-математическо-экономической магистратуры Андрей Владимирович Леонидов, руководитель гуманитарной магистратуры Алексей Игоревич Любжин и преподаватель физико-математическо-экономической магистратуры Константин Сергеевич Сорокин. В роли ведущего беседы и интервьюера выступает Елена Игоревна Денисова.

Е. И. Д. Вопрос №1. Образование — это самодостаточная ценность или элемент системы? Образно говоря, образование для чего-то или просто так?

А. В. Л. Образование не может являться элементом системы, потому что оно само формирует систему ценностей и представлений. Образование — это ядро системы. Это формообразующий элемент.

К. С. С. Я пытаюсь просто понять, как, например, математическое образование может стать элементом системы. Инженерное образование — легко. Народному хозяйству нужны специалисты.

М. В. П. Инженерного образования не может быть по определению.

Е. И. Д. Почему?

М. В. П. Инженерное — это профессиональные навыки. Образование — это то, что позволяет ориентироваться в неизведанном. Или можно иначе сказать. Образование — это то, что меняет душу человека. Или, как, кажется, у экономистов говорят — то, что меняет его структуру предпочтений.

А. В. С. Образование несет частично эту функцию, индоктринируя какие-то доктрины, способы рассмотрения жизненных ситуаций. С такого угла зрения, с такого. Если вы получаете образование с одного, то вы научаетесь в любой ситуации видеть только этот. Как один мой друг бизнесмен в любом законе видит только его коррупционную составляющую. Он говорит, этот закон вызовет увеличение коррупции. А я ему говорю, может быть, он улучшит что-то в социуме? Человек не знает, что ответить, потому что он об этом просто не думал.

А. В. Л. Все-таки, если вернуться к отличию образования от профессиональных навыков, то они обычно относятся к среде уже освоенной в той или иной степени, а образование — это система внутренних координат, которые позволяют эти самые координаты в том, что было неизвестно, как-то выставить. Создать систему представлений, которых не было до этого.

Е. И. Д. Давайте следующий. Частный университет в России — это вообще возможно? Не ждет ли вас разочарование?

М. В. П. Ждет, наверное, и не одно.

Е. И. Д. Вопрос, не закроетесь ли вы через 3 года?

М. В. П. Как Наполеон говорил, надо ввязаться, а там посмотрим. Здесь еще есть такой аспект. Да, конечно, все пойдет не так, как мы это сегодня видим. На сегодня у нас нет даже какого-то единого видения, как университет будет функционировать.

Е. И. Д. Можно задать вопрос еще в эту тему: как возникла идея создать университет? Отправная точка. Почему, зачем вы его создаете?

М. В. П. Здесь два, наверное, вопроса. Почему вообще человеку такая мысль может прийти в голову? Университеты, их достаточно много есть. А вторая часть, почему именно мы, собравшиеся в этом помещении, на это способны. Действительно, наверное, смутная неудовлетворенность существующим положением дел в высшем образовании отчасти могла бы это объяснить.

А. В. С. Люди, которые хотят получить всестороннее образование, мне верится, в России еще не перевелись. Это и есть наши студенты.

А. В. Л. Мне кажется, что еще сама жизнь в значительной степени подталкивает к тому, чтобы вернуться к идеям университета в прямом смысле этого слова. Потому что современное знание отчетливо фрагментарно. Отчетливо недостаточно для понимания окружающей действительности. Я скорее имею в виду нравственную компоненту. Хотя и в точных науках остаются такие белые пятна.

Е. И. Д. То есть главное в словосочетании «частный университет» — это, все-таки, университет. Амбиция именно в этом заключается?

М. В. П. Если бы меня назначили министром, я бы с удовольствием создал государственный университет. Мне своих денег тоже жалко. Но поскольку я не министр...

Е. И. Д. Если бы у тебя была возможность, ты бы создал второй московский университет.

М. В. П. Действительно, обладая государственной властью, я бы скорее создал новый, чем пытался реформировать старый. Потому что экономическая свобода — это, все-таки, святыня. Пускай как-то корпорация сама придет к выводу, что нужно, как Кришнамурти говорил, «измениться и немедленно». Или не нужно. Тогда оставляется дом ваш пуст.

Е. И. Д. А как вы понимаете академическую свободу?

М. В. П. Если можно, я на это отвечу, но еще одну мысль. Образование и университет — это понятия очень связанные. Университет — это то место, которое поддерживает институционально именно образование. А сейчас у нас университет поддерживает профподготовку. Математиком стать можно? Можно. Филологом можно? Можно. Биологом можно? Можно. Это поддерживает университет. А образованным человеком стать нельзя.

А. В. С. На самом деле, начинается уже другой этап. Уже просто экономистом стать нельзя. Потому что стать экономистом — это не просто написать теоретико-игровую модель, смотрите, какая красота, вот смотрите какие формулы. Смотрите какое доказательство у меня. Точка. А экономист — это человек, который смотрит на ситуацию с правильного угла зрения. Я думаю, что быть хорошими специалистами в отдельно взятой области уже нельзя. Потому что если образование распадается на области, то дальше области распадутся на подобласти.

А. В. Л. Давайте один короткий пример приведу. Не услышать в современных условиях слово «нефть» совершенно невозможно. При этом, если вы попытаетесь найти эксперта, который вам в трех предложениях разъяснил бы, что же все-таки происходит, вы такого эксперта не найдете. Связано это с тем, что это знание обо всем, что связано с нефтью, фрагментарно, не полно и не сводится в единое. В этой ситуации довольно естественно попытаться этот свод каким-то образом устроить в меру понимания того, что при этом нужно вовлечь в это обсуждение. Это довольно широкий круг вопросов. Оказывается, и физику и математику на очень высоком уровне приходится вовлекать.

Е. И. Д. Вы собираетесь делать место, где вы будете учить людей, или в том числе университет будет восприниматься как место, где идет какая-то научная деятельность?

М. В. П. Это неразрывный процесс. В ходе транспортировки из кухни в столовую пища чуть-чуть охлаждается. Если мы говорим, что у нас будет колледж, где только образование, а рядовая наука в каких-то отдельных местах, есть ощущение, что блюдо будет сильно холодным. Образование — это не месье, его не нужно подавать холодным. Его нужно подавать горячим.

Е. И. Д. У вас есть амбиции делать большую науку, прямо скажем. Какую именно науку, какие направления вы собираетесь развивать в первую очередь.

А. В. С. В первую очередь социально-экономические. Здесь царит полное безобразие. Я считаю, это то, что мы действительно можем. Это исследования, которые не могут вестись в рамках так называемого классического подхода к экономике.

М. В. П. Главную проблему, если я правильно понял, ты видишь в ключевом слове «честно» заниматься наукой. Правильно ли я понимаю, что в существующих университетах, как это ни странно и дико звучит, *academic dishonesty* уже как-то встроено. Ребенка уже лишают чести в студенчестве.

А. В. С. Это очень на тонком уровне происходит. Потому что к тем вопросам, которые формулируют многие люди в классической традиции, они подходят абсолютно честно. Они сформулировали вопрос «Корреляция между количеством чихов в день и уровнем воды в Темзе». Они честно занимаются исследованием этой корреляции со всех сторон. Абсолютно они не мухлюют с данными.

Е. И. Д. Английские ученые доказали?

А. В. С. Да, английские ученые доказали. Таких абсолютно бессмысленных вопросов давно веду коллекцию. Вопрос, который экономисты задают, просто не нужно изучать. А люди изучают, публикуются. Это честность или нечестность? Я не знаю. Но это не то, что нам нужно.

Е. И. Д. То есть образование это еще про то, какие вопросы имеет смысл изучать...

А. В. С. А какие не надо рассматривать просто. Если вы собираете действительно сильных людей, за которыми стоят реальные научные достижения, и эти люди не были замечены в том, что они как-то неправильно относятся к науке, тогда у такой системы есть шанс, и есть некий кредит доверия. Дальше от нас зависит, оправдаем мы его или нет.

Е. И. Д. Если сейчас говорить о том, что это наука и это гранты, то вы должны привлекать гранты. Кто будет финансировать исследования в вашем университете? Есть ли у вас система поиска этого финансирования?

А. В. Л. Система поиска есть. В рамках университета система очень простая.

А. В. С. Как происходит прорыв вообще? Даже вне искусственно создаваемых центров, как происходит прорыв? Какой-то человек точно указывает на проблему. Вот здесь никто не задавал так вопрос. Если эта проблема вдруг разом молниеносно покажется всей научной тусовке важной, то все, туда оно все и свернет. Там начнутся гранты, там начнется все, что надо. В некоторых случаях очень трудно дать вот этот старт. У нас есть надежда, что мы сейчас его дадим.

К. С. С. С этой точки зрения тема, которой мы занимаемся в социо-экономическом направлении, вполне себе довольно модная. Несколько тем. Я сейчас говорю скорее про общие идеи, правильное агрегирование индивидуальных действий в какие-то макропроцессы.

А. В. Л. Давайте я совсем простую вещь скажу. Часто встречается ситуация, когда целое драматически отличается от составляющих его частей. Та философия методологического индивидуализма, на которой стоит реально здание современной экономической теории, включая ее теоретико-игровые аспекты, перестает работать в тех местах, где становится важно учитывать различные аспекты взаимодействия людей или экономических агентов. Но наука в этом месте еще не обрела свой язык. А почему она его не обрела? Ответ ищут все в той же теории игр, а он, видимо, лежит не в ней. Судя по всему, в других науках — в статистической физике, в социологии. Ответ ищут не там.

Е. И. Д. Какой ответ на какой вопрос?

А. В. С. Как правильно агрегировать поведение людей в социуме, в котором наблюдается нетривиальная структура связей.

А. В. Л. Что такое понять? На базовом уровне, хотя бы словами описать. Во многих ситуациях словами описать недостаточно. Или много слов. Тогда желательна формулировка, близкая к математической. Нужна количественная модель. Элементов успешной модели не может быть много. Она должна быть компактна, покрывать широкий круг явлений. Просто видно невооруженным взглядом, что этот поиск не может быть отнесен исключительно к разделу теории игр... И конечно, не исключительно к статистической физике. И конечно, не исключительно к теории принятия решений.

Е. И. Д. В каких практических областях это может быть применено? Примеры из практики.

А. В. Л. Современный бизнес-консалтинг. Или еще точнее, принятие инвестиционных решений в крупной компании. Само обсуждение мирового рынка, сама аналитическая работа уже вызывает у них страстное желание, у профессионалов этой области. Я имею в виду людей, которые отвечают за инвестиционные решения. Им нужна модель, а модели нет. Если бы у них был framework, в котором это было легче делать, конструктор, они бы это приветствовали. Другая сторона того же дела это то, что называется автоматизация производства, которая теперь достигла таких высот или глубин, что реально те системы автоматические или компьютерные, которые сопровождают производство, они уже по уровню отношения к ним, это задачи замечательные теоретико-игровые в частности. Я уже не говорю об уровне обществ. Общество должно понимать, как оно формирует свое мнение о чем-то. Может быть, если бы общество лучше знало и понимало самое себя, оно было бы более устойчиво к методам этого формирования.

А.В.С. Вот, кстати, что полностью игнорируется мейнстримной экономикой, — это эффекты фазовых переходов. Каких-то мгновенных качественных переходов к другому режиму. Теория игр редко говорит о том, какое из равновесий будет выбрано, это вопрос, который вообще не лежит в нашей компетенции. Мы говорим, какие существуют равновесия, а как происходит переход, мы не говорим. Статистическая теория игр — это, без сомнения, наука будущего. Она начинает только нащупываться.

Е. И. Д. Хорошо. Давайте дальше про университет продолжим говорить. Есть ли у вас идеология? Ограничиваете ли вы как-то взгляды своих студентов?

А. В. С. Я могу ответить следующее. Взгляды ограничить может такое сообщество преподавателей, у которого есть единые взгляды. Если внутри сообщества преподавателей нет единых взглядов даже близко — кстати, я считаю это большим достижением нашего сообщества преподавателей — как мы можем навязать студенту какие-то взгляды? Я могу показывать свой пример в жизни. Но ни в каком brutальном смысле навязываться ничего не будет.

А. В. Л. Если мы дадим им образование, если мы свою мечту выполним, тогда позволительно надеяться, что и взгляды изменятся.

К. С. С. Давайте я отвечу про взгляды за Лешу и за всех? Я видел много разных людей. Я думаю, что нас всех объединяет стремление к истине, про которую мы говорили. К поиску истины, которая у нас записана в преамбуле университета. Мы верим в некоторую разумность. Мы верим, что люди в самых разных сферах могут сесть и договориться. Такая вера в разум, вера в способность договариваться — это то, что объединяет людей. Мы понимаем, что на какие-то вещи можно смотреть по-разному. Это естественно для людей, занимающихся наукой. Мы понимаем, что любой из нас может оказаться неправ. Даже в математике, где достаточно одного строгого доказательства, иногда. (убрать?)

Е. И. Д. Поиск истины, серьезно? Вы все здесь, каждый по отдельности, и ваша цель это искать истину?

А. В. С. Наше восприятие научного исследования — это поиск истины. Ничего, мне кажется, в этом зазорного нет. Это совершенно нормально, что человек, занимающийся наукой, ищет истину в некоторых вопросах. Но все-таки поиск истины как цель отличается от цели получить грант.

Е. И. Д. Скорее грант — это средство.

А. В. С. Конечно, средство, одно из средств. Оно иногда хорошо, иногда плохо.

Е. И. Д. Необходимое, но недостаточное.

А. В. Л. Средство меньше, чем цель.

А. В. С. Если ты чувствуешь, что у тебя есть на руках вопрос сложный, интересный и разносторонний, важный для сегодняшнего социума, он очень часто выпадает из каких-либо грантов. Он не может встроиться в науку. Нет языка, на котором этот вопрос обсуждается. В силу традиции, которая в науке пошла. Это не заговор. Наука — инертная вещь. Люди привыкли к некоторому взгляду на то, как надо изучать что-то. Этот взгляд есть, он уже проторил себе дорогу. Если ты идешь этой дорогой, тебе проще, тебе быстрее. Вот эта дорога — твоя публикация. Эта дорога, в принципе, — лень мозга.

А. И. Л. Для меня это противостояние, с одной стороны, истины, а с другой, интеллектуальной моды. Сейчас интеллектуальная мода слишком сильно склоняется к простым вопросам, это мне не нравится.

А. В. С. Простым вопросам и простым ответам на них.

Е. И. Д. Остался вопрос, почему такое название. Почему название университета «Университет Дмитрия Пожарского»

К. С. С. А не хотя бы Минина и Пожарского?

Е. И. Д. Да.

А. В. Л. Аристократичность.

Е. И. Д. Но почему именно Пожарского?

М. В. П. Во-первых, уж время больно смутное. Хотелось бы скорее из него выйти. Следующий ответ. Один из современных русских интеллектуалов когда-то сказал, что первый русский либерал — это святитель Филипп. А первый русский консерватор — князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Наконец, почему не Минина и Пожарского? Здесь сыграло роль мое низкопоклонство перед американской традицией, у которых есть, например, Университет Джона Хопкинса. Один человек, и имя и фамилия, задают какую-то ритмичность и запоминаемость. Минина и Пожарского не так хорошо звучит.

Е. И. Д. Смотрите, мне кажется, что вопрос, почему такое странное сочетание: физика, экономика и математика, мы осветили как-то. А вот что мы совсем не осветили, какие есть

еще направления. Что про гуманитарное направление? Есть вопрос. Кому нужна античность здесь и сейчас?

А. И. Л. Всем. Только они еще про это не знают. На самом деле, когда речь идет о современном переменчивом мире, иногда хочется несколько убавить этой переменчивости. И дать такой якорь, который был бы действительно прочным и держал бы. Разного рода люди от Ньютона до Гейзенберга были латинистами, эллинистами. Читали на крышах зданий Платона в оригинале, писали богословские трактаты на латинском языке. Ньютон считал себя больше богословом, чем физиком и математиком. На самом деле, это колоссальная дыра, которая имеет самые дурные последствия. Так получается, что никакой пользы без идеала не выходит. Когда не оцениваешь правильную хронологическую дистанцию между идеалом и пользой, все причины и следствия начинают кувыряться и вовлекают тебя в какой-то безумный танец. Из этого программа исходит. Тот якорь, который был общим для всей европейской и русской цивилизации в течение всего времени существования, он менял формы, но не уходил никогда. Может быть, сейчас он несколько в тени. И нас обольщает то, что следствия прежних благих эпох наложились на наши современные совсем другие тенденции. Поэтому мы очень путаемся в причинно-следственной связи происходящего. Но то, что у нас этого якоря почти нигде нет и получить его чрезвычайно трудно, мне кажется неправильным.

Е. И. Д. Как устроена программа гуманитарная? Ее основные блоки можно описать?

А. И. Л. Программа исходила из того, что античное образование — это прежде всего язык. Язык дается в таком объеме, чтобы человек самостоятельно встал на крыло. Мог, обращаясь все-таки к печатным пособиям и к коллегам, но с достаточной долей самостоятельности, читать эти тексты. Тексты, может быть, несколько ограниченного круга. В греческом языке это будет в рамках аттического диалекта, т.е. классической прозы, трагедии, отчасти поэзии более поздней. Но для Гомера потребуется немножечко дополнительной подготовки.

А. В. Л. Я бы еще по программе добавил, что у нас предусмотрено значительное число кросс-курсов. Скажем, у нас будут курсы экономики, математики и физики для гуманитариев. И глубокие курсы по истории и социологии для физмат.

А. В. С. Тут еще есть такой момент. Я помню мехмат. На мехмате тоже была всякая философия, экономика и т.д.

Е. И. Д. Экономика на мехмате?

А. В. С. Была-была. Были предметы гуманитарного профиля, но это никогда не рассматривалось всерьез. Мы хотим преодолеть вот эту вот тенденцию. Мы хотим, чтобы действительно наши студенты на физматэке усвоили и серьезно отнеслись к гуманитарным предметам. И наоборот. Я буду читать математику для гуманитариев. Я рассчитываю на понимание моего курса, несмотря на то, что там будут некоторые сложные вещи. Я надеюсь объяснить эти сложные вещи гуманитариям.

А. И. Л. Эта провальность объясняется прежде всего антропологическим фактором. Для преподавателя это все-таки отбывание номера и не очень интересно было. Поэтому туда шли не лучшие люди. Когда-то были противоположные эксперименты. Скажем, в физтех приглашались ведущие специалисты, и это имело другой эффект.

Е. И. Д. Зачем нужно, мы спросили. Про программу мы спросили. Про кросс-функциональность, что мне очень хотелось спросить, поговорили. У меня был вопрос про науку. Понятно, что математики имеют амбицию развивать большую науку в рамках университета. Гуманитарии тоже? Какие научные темы будут там? Миша, а ты говорил, вроде, что у вас есть какие-то лаборатории гуманитарного профиля, которые вошли в основу.

М. В. П. Да, совершенно справедливо. Например, египтологический центр. «Лодка у истоков цивилизации» — такая книжка у нас недавно была напечатана. Биографический институт занимается делом более для всех понятным — просопографией, массовой биографией.

К. С. С. А массовые биографии это вообще как? Биография чья-то всегда.

М. В. П. Сейчас Сергей Волков, возглавляющий биографический институт, близится к завершению базы данных лиц, имевших классные чины на протяжении 200 с лишним лет существования Российской империи. Таковых несколько миллионов, примерно четыре. Эта база содержит краткие биографические сведения о всех лицах начиная от канцлера империи и кончая каждым прапорщиком, мичманом и коллежским регистратором.

А. И. Л. Мы претендуем на то, чтобы дать универсальный инструментарий гуманитарного исследования, который пригодится для самого широкого круга тем, никак их не предрешая.

М. В. П. Разумеется, ни одна из магистратур по отдельности не дает образования. Но если человек последовательно пройдет две наши магистратуры, то он сможет стать образованным человеком.

Е. И. Д. Ты понимаешь, что таких будет ноль?

А. В. С. Нет, я думаю, что несколько человек, может быть, и будет.

Е. И. Д. Можно я задам вопрос про бакалавриат, который мне непонятен. Я, например, закончила физфак. Физфак для меня — это часть университета. Идея такая. Есть Ландавшиц зелененький такой. Если ты даже на 4 курсе берешь Ландавшица, начинаешь его читать и выпадаешь на три часа, потому что тебе непонятны переходы между формулами. На самом деле, для того, чтобы понять Ландавшица на 4 курсе, у тебя есть три курса. Они выстроены ровно так, что тебе дано ровно то, что ты должен знать, чтобы его понять. Вот тебе немножечко матана, немножечко статистики, немножечко теорвера. Все плохое — и статистика плохая, и матан не на том уровне. Но это все так скомпонованное, кусочками скормленное. Для меня вот это университет. Я бы не смогла это сделать сама. Это простроенная дорожка многолетняя. Как дерзаете брать магистратуру и не брать бакалавриат?

А. В. С. Я занимался в жизни многими вещами, очень многими разделами математики, правда неглубоко каждым из них. В общем-то, я ознакомился со всеми разделами современной теоретической экономики. Везде нужно более-менее одно и то же. Это одно и то же на удивление просто. Хорошее понимание школьной программы и матан с линейкой. Грубо говоря, первый курс. Но так понимаемый первый курс, чтобы это все отскакивало от зубов.

Е. И. Д. Какие у вас требования к вашему идеальному студенту, который к вам приходит?

А. В. С. Твердое знание школьной программы, линейной алгебры и математического анализа.

Е. И. Д. А для гуманитарных факультетов?

А. И. Л. Поскольку древние языки изучаются с нуля, то они по способностям.

Е. И. Д. Но все-таки, за вас работу должны сделать физфак с вышкой.

К. С. С. Надо понимать одну простую вещь. Магистратура, там всего два года. Только этап, и то не самый длинный. Мы исходим из того, что у студента в целом есть образование бакалавра или специалиста. И что этот человек хотя бы первые два года не валял дурака. Понимание каких-то базовых вещей, общих для математики. Фундамент более-менее один

и тот же, что на хорошем факультете экономики, что на хорошем факультете физики. Там акцент совершенно разный, где-то на оптимизацию, где-то на дифференциальные уравнения, где-то на контекстную переменную. Но общая математическая культура одна и та же.

Понимаете, в чем дело? Продолжая мысль. За два года мы человека не переделаем совсем. У человека есть какие-то идеи. Кому-то интересна физика, кому-то интересна экономика. Кому-то интересно, как это работает вместе.

Е. И. Д. Кто-то гуманитарно не дообразовался.

К. С. С. Кто-то просто понимает, что какая-то плюс-минус хорошая база у него есть, но на старших курсах ничего интересного не было. Человек не угадал просто со специализацией. Так тоже бывает. Мы пытаемся показать, как из избранных разделов физики, экономики и математики можно собрать что-то интересное и работающее.

А. В. С. Машину.

К. С. С. Метафора не очень хорошая. Идея такая, что целое больше частей. Здесь у меня в руках программа. Но университет — это же не только набор курсов. Это, во-первых, какие-то связи между этими курсами. Здесь у нас есть огромное преимущество. Люди, которые эти курсы читают, они в массе своей знают друг друга. Процент общих связей очень большой. Более того, они обсуждают, что и как они будут читать. Это очень мало, где происходит.

А. В. Л. У нас был большой консилиум по этой программе. Мы согласовываем программы по разным курсам. Как только начнется процесс, это будет согласовываться буквально. Мы будем видеть, что получается. Какие задачи нужно передавать из курса в курс. Как мысли эти играют одна с другой. Основная содержательная часть нашей работы в магистратуре будет в этом и состоять.

А. В. С. Это имеет право называться университетом.

Е. И. Д. Пока вас немного.

К. С. С. А нас и будет немного.

Е. И. Д. А вы, кстати, планируете расширять ваши ряды?

К. С. С. Завершая мысль. Я часто люблю говорить студентам, что высшее образование нельзя дать, его можно взять. Вам пока еще предлагают. Скоро перестанут. Еще очень важная часть — это коммуникация. Общение с людьми, которые всем этим занимаются. Даже неформальное. Оно очень важно. Плюс самостоятельное решение задач, критика собственных идей. Это образование. Это же не просто ты сидишь и слушаешь. Не пассивное действие. Мы постараемся создать именно эту университетскую среду. Насколько это получится? Мы постараемся сделать как можно лучше.

М. В. П. Может быть, мы пытаемся ответить не на тот вопрос. В какой-то степени упрек справедлив. То, что сейчас предлагается почтеннейшей публике, это еще не университет. Это зародыш университета. Это его исходная конструкция. Разумеется, бакалавриат необходим. Но не сразу.

Е. И. Д. Хорошо. Давайте, идеальный студент или идеальная студентка. Социально-антропологические характеристики: мужчина, женщина, пол, возраст. Я трачу два года своей жизни, ничем другим заниматься не получается. Что я получу взамен?

А. В. С. Я в молодости. Это человек, который просто любит учиться. Потому что пока ты учишься, это твоя молодость, она продолжается. Что я хочу сказать? Мой студент не спрашивает, зачем ему это образование. Он его просто получает. Потому что через 2 года

все, что будет происходить вокруг, мы не можем сейчас даже близко предсказать. Вопрос, какая у меня будет научная карьера, что я с этого буду иметь, мой идеальный студент вообще не задает. Глядя на эту программу, понятно, что придут к нам люди, которые хотят странного. Готовность к экспериментам, в том числе с собственным образованием. Я хочу попробовать оказаться в возможной точке прорыва. Да, из этого может ничего не выйти. Так бывает. Да, я могу ничего этого не понять. Бывает. Но это безумно интересно, я готов рискнуть. Мой студент — это не человек, который подвержен моде. Он смотрит на это и думает, ой как интересно, какая программа! Еще мой студент это способен освоить.

А. И. Л. Я бы ответил фразой Сенеки: «То, что ты имеешь, можно у тебя отнять, то, что ты имел, отнять невозможно».

Е. И. Д. Вот мне понравилось то, что ты говорил про прорыв. То есть из цикла вы выбираете людей, которым не все равно, которые готовы два года своей жизни потратить, вот инвестировать сюда, а не спрашивать зачем, просто потому что интересно с этими людьми. Ты говоришь о том, что это люди, которые не уехали, и которым нужен прорыв здесь, но все-таки где прорыв? Я придумаю лекарство от рака, я сменю Путина... я не знаю, я там придумаю новую социально-экономическую модель устройства нашего мира и ее внедрю?

А. В. Л. Люди, которые готовы решать задачи произвольной сложности. Вот если коротко.

Е. И. Д. Хорошо, давайте последний набор вопросов. Так значит, есть ли будущее у ваших выпускников в России?

М. В. П. Ну это зависит от того, есть ли будущее у России...

А. В. С. Мы как-то в это верим, мы все здесь живем.

А. В. С. Я бы уточнил, что мы поможем с реализацией планов выпускников. Мы не можем за выпускников эти планы продумывать. Безусловно, я бы видел будущее выпускников, которые хотят заняться наукой, вписанным уже в существующие сейчас в общем-то большие гранты в России, их не так в общем-то мало. И я вижу выпускников в этих грантах, но, если в какой-то области науки этих грантов нет, я приму выбор выпускника уехать.

М. В. П. Коллеги, вот выпускник должен быть боевой единицей самой в себе, действительно человеком, создающим не то что себе рабочее место, но и другим достаточно многим рабочие места, что требует, разумеется, не только образования, но и соответствующих человеческих качеств.

Е. И. Д. Да, хорошо. Осталось два финансовых вопроса. Первый совершенно практический, вот есть очень талантливый парень, но он из бедной семьи, ну, например, и ему два года надо провести первое платя за обучение, второе содержа какую-то часть семьи там, короче человек талантливый, вам подходит.

А. В. С. Сейчас, одна секундочка, у нас никто не платит за обучение. С другой стороны, если человек из бедной семьи, ему все-таки на что-то надо жить — наш план таков, что стипендия будет для тех, у кого высокая, хорошая успеваемость.

Е. И. Д. Возможно ли будет совмещать работу и обучение?

А. В. С. Нет. Ни в каком варианте. А жить на ту стипендию, которая будет, которую будут получать наши лучшие студенты - худо-бедно будет возможно.

Е. И. Д. Так, давайте. Я забыла еще один вопрос, сейчас, я думаю, что он сюда в тему, значит, как вы вообще видите обучение у вас? На что это будет похоже с практической, бытовой, любой точки зрения?

А. В. Л. Будет просто на просто ряд циклов. Цикл он длится, цикл длится месяц, по окончании экзамен, затем каникулы и следующий цикл. Три цикла в семестр.

Е. И. Д. Территориально где жить будут?

М. В. П. Первый год Москва, а второй год надеемся, что уже переедем в кампус.

Е. И. Д. На Валдае?

А. В. Л. На Валдае. Преподаватели приезжают на модуль, студенты просто там будут жить.

М. В. П. Представьте себе помещичью усадьбу с хорошим вкусом у помещика, вот я всем говорю, если вы бывали в Монрепо под Выборгом, то это более-менее похоже. Одно- или двухэтажные домики, где есть комнаты на одного или максимум двух человек. В этой комнате удобства, небольшое какое-то устройство для приготовления пищи и все это соединено крытым переходом с тем местом, где учеба.

А. В. С. Кстати, будем ли мы на камеру отвечать на вопрос, будет ли это место безалкогольное или нет. В любом случае, в любом случае напиваться нельзя.

М. В. П. Русский значит трезвый.

А. В. С. Да. У нас в помещениях не матерятся.

Е. И. Д. Подождите. У меня вот идея воспитывать политическую элиту, у нас сейчас проблема с элитой, у нас в элите отрицательный отбор.

А. В. С. Мне кажется, что вопрос не в политической элите, вопрос в том, что действительно есть, ну, проблема не в политике, а проблема воспитать честного добросовестного человека.

А. В. Л. Наш выпускник может вполне заниматься чем хочет, в том числе политикой, и мне кажется, если говорить об элите, то самое важное в стране — это ее качество.

А. В. С. А я хотел — только не технократы.

А. В. Л. Вы знаете, как вот, точно, вот по крайней мере, как выстроены наши экономические курсы, они точно выстроены так, чтобы доминантность денег в них вообще не присутствовала. Деньги очень важная часть современного мира и нужно уделять им место, но это не определяющее в человеческой жизни. Ну с точки зрения именно научного подхода, мы не верим в самодостаточность финансовой сферы, то есть, вот, скажем, модели, где только финансы и больше ничего внешнего, как бы ну то есть, для нас этот подход не жизнеспособный. Равно как мы не верим и в индивидуализм.

Е. И. Д. Идея советовать политикам есть?

А. В. С. Есть. Если спросят. А навязывать свои советы не надо.

К. С. С. Давайте я добавлю, что в современной науке коммуникация — это тоже важная штука, то есть надо уметь не только делать качественное исследование, надо уметь объяснять другим, чем ты занимаешься, что и почему ты делаешь.

М. В. П. Я, наверное, выскажусь более радикально, хочу ли я, чтоб в университете был воспитан президент Российской Федерации. Нет, потому что я монархист и вообще не хочу, чтоб в Российской Федерации был какой-нибудь президент. Совершенно справедливо, да, естественная форма существования России — это империя и должен быть император, а если министр или советник царя получит у нас образование — это будет для нас безусловно большой честью.

Действительно, если воспринимать традиционно интеллигентское представление о политике как о хлипкой грязи, в которой возятся всякие мерзавцы, разумеется, никто не хочет своему студенту участи мерзавца. Но речь идет о другом, действительно, человек, который берет на себя большую социальную ответственность, он, безусловно, должен быть образован. Вот здесь Андрей Владимирович сказал о достоинствах советской системы, но я скажу о недостатках советской системы — она была построена иногда из неплохо

профессионально подготовленных людей, но в целом, как правило, необразованных. И это одна, дерзну сказать, из главных причин гибели Советского Союза. Советские вожди не понимали, что происходит вокруг и некоторые даже откровенно в этом признавались. И вот это непонимание есть следствие отсутствия образования в точном смысле этого слова. И конечно вожди должны быть образованными, это дает какую-то надежду, неокончательную далеко, народу на какое-то долгое историческое бытие. Еще несколько мелких замечаний о финансистах: один мой знакомый, лорд, который по финансовой части работал, говорит, что самые лучшие сотрудники это те, которые окончили классическую филологию. Кто кончили английскую филологию – те чуть похуже. А вот финансы и кредит – к этим я прибегаю только когда положение совсем уже отчаянное, а кого-то нужно нанять.